

Се Люй не мог издать ни звука, горло пересохло необычайно, в конце концов он, словно мешок с костями, потерял силы и обмяк на холодном полу, после чего ничего уже не помнил.

...

Неизвестно, сколько проспал, снова очнулся от боли, но на этот раз, к счастью, у кровати наконец-то кто-то был.

А-Ли немного напоил его водой, он, дрожа, с трудом выдал из себя хриплый голос:

— Он... А-Чжи?

— Генерал, наставник уехал в Северную пустыню искать успокаивающие боль снежные плоды для вас, уехал ещё прошлой ночью. Мы с Е Пу всеми силами пытались отговорить его, не пускали, но наставник всё равно поехал.

— Ч-что ты сказал? — Се Люй, скрипя зубами от боли, приподнялся. — Как он посмел! Он, как он мог... Он взял с собой лекарства? Он, он же, это тело...

— Генерал, успокойтесь! Наставник взял с собой, вы, вы не волнуйтесь. Да и Е Пу сказал, что беспокоится, и поехал вместе с наставником! Генерал, не тревожьтесь, с Е Пу рядом наставник точно будет в порядке!

— В п-порядке? Он... как может быть в порядке? Несколько дней назад, когда готовили снадобья... я, я же видел! Всего красных пилюль наварили не больше двадцати штук, разве этого хватит, разве...

Провинция Юньшэн находится на самом юго-западном рубеже Великого Ся, а Северная пустыня лежит далеко за северо-западными границами Великого Ся. Даже на самых быстрых скакунах в одну сторону нужно больше десяти дней, не говоря уже о том, что в Северной пустыне идут смуты и войны, плюс обратная дорога — как ни считай, времени не хватит. А-Чжи он —

Без достаточного количества красных пилюль, как он сможет вернуться?

* * *

— Я, я должен найти его. Мне нужно встретить его на дороге, моё тело снаружи просто не выдержит так долго! Прошло уже столько времени, а он всё не возвращается, наверняка что-то случилось! Я обязан поехать встретить его!

— Да бросьте вы, генерал!

А-Ли последние дни сходил с ума от того, что Се Люй постоянно приставал к нему, но, вспоминая наказ, который оставил наставник перед отъездом, мог только хмуриться и продолжать уговаривать.

— По подсчётам, наставник уже скоро должен вернуться, так что вы уж не метайтесь, хорошо? От провинции Юньшэн до Северной пустыни — сколько по пути городов и разветвлений дорог, откуда вы знаете, какой маршрут выбрал наставник? Если разминётесь с наставником и его спутниками в пути, что тогда делать? Неужели вы не верите, что наставник вас прийдёт?

— Но А-Чжи он, он до сих пор не вернулся, и нет рядом пруда красных снадобий, чтобы он мог

принять ванну, мало того — между двумя государствами идёт война, если по дороге он столкнётся с какими-то опасностями, или в Северной пустыне его по ошибке ранят, я, я...

— Генерал, не накручивайте себя! Рядом с наставником, по крайней мере, есть Е Пу для защиты!

— Да что этот мальчишка Е Пу сможет? Всего лишь трёхножья кошка, каких-то жалких навыков, разве в критический момент он на что-то сойдётся?

— Генерал, успокойтесь! Сам наставник очень силён! И в боевых искусствах, и в магии — вполне способен постоять за себя!

— Но А-Чжи он — его тело на улице и так уже достаточно слабое, если ещё и использовать управление трупами или другие заклинания, разве это не, разве это не...

— Генерал! — вздохнул А-Ли. — В конце концов, наставник уже уехал, и что толку от вашего волнения здесь?

...

Тот месяц, что Мужун Чжи потратил на поиски лекарства, стал для Се Люя, пожалуй, самым тягостным месяцем в его жизни.

Тревога, одиночество, муки, тоска, скука, невозможность усидеть на месте. Это оказалось даже в сотни раз невыносимее, чем в те дни, когда он сидел в столичной тюрьме, услышав, что император велел отрубить ему голову, и день за днём ждал смерти.

Се Люй не смел думать: а что, если с таким телом, как у А-Чжи, тот не сможет вернуться?

Не смел думать и о том, что если в это время он сам когда-нибудь тихо сляжет и больше не поднимется, так и не повидав Мужун Чжи в последний раз, что тогда?

В этом огромном Дворце Внимающих Снегу, пусть и был рядом А-Ли, пусть прошёл всего лишь месяц, но Се Люю казалось, что день за днём, отсчитывая время, он прожил будто целую бесцельную жизнь.

А если подумать об А-Чжи, то сколько же дней и месяцев он один отсчитывал здесь, на бескрайних снежных вершинах?

В те ночи, когда ему было одиноко, тоскливо, скучно, когда он не мог заснуть, столько ночей, когда он мог изливать душу только зомби-слугам, — кто об этом знал? Кто жалел его?

Внезапно Се Люй почувствовал, как сердце его сжала острая боль.

Как же он в те годы... мог решиться бросить его и уйти.

Разве ты не знал, что как только уйдёшь, А-Чжи останется совсем один?

Тридцать дней в месяце, двенадцать месяцев в году — Мужун Чжи, по меньшей мере, провёл в одиночестве семь-восемь лет. Он сам не мог выдержать и одного месяца, а те дни, что прожил А-Чжи, были в сотни раз мучительнее, чем этот его месяц — мало того, что рядом с ним, по крайней мере, был живой человек, а с А-Чжи?

Окажись на его месте, возможно, он давно бы сошёл с ума? Окажись он тем, кого предали,

разве смог бы удержаться, чтобы в такой ситуации не спуститься с горы и не начать убивать?

Вырвать один глаз — хотя у Тан Цзи тоже есть свои обиды, но А-Чжи и вправду уже проявил снисхождение, верно?

Как же он... как же он мог сохранить мягкий характер, всё ещё быть готовым заботиться о нём, всё ещё не скупиться на случайную долю сострадания и нежности.

...

Се Люй чувствовал, что он и вправду заслуживает смерти.

А те обиды, что он претерпел в столице в те годы, разве они чего-то стоили?

Разве не просто в предсмертный момент получил удар дубиной по голове и увидел реальность? По крайней мере, всё то долгое время до этого люди относились к тебе хорошо, разве нет? По крайней мере, ты всё ещё видел надежду!

А А-Чжи... видел ли он надежду?

Когда ты ушёл, что ты оставил А-Чжи?

...

Се Люй кусал сухие губы, слёзы текли по его лицу самопроизвольно. Так и лежал, застыв на кровати, тупо считая кисти на балдахине. Пятнадцать, шестнадцать...

А-Чжи. Возвращайся быстрее, возвращайся скорее.

Я так по тебе скучаю.

Хотя он отлично понимал, что Мужун Чжи поехал ради его же блага, чтобы он меньше страдал.

Но, но...

Времени, что мы можем провести вместе, и так, возможно, совсем немного.

А этот отъезд занял почти месяц. И без того жалкие дни стали ещё короче.

А-Чжи, я бы предпочёл, чтобы ты провёл больше времени рядом со мной.

Что значит боль? Всего несколько дней в месяц потерпеть, переждать — и всё. Но я всё равно больше хочу держать тебя за руку, ещё несколько раз рассмешить тебя, ещё раз посмотреть на твоё лицо.

Я хочу хорошенько запомнить твой образ.

Даже умерев, спустившись в жёлтые источники, выпив отвар Мэн По, не хочу забывать.

...

Как раз в те дни стояла самая суровая середина зимы, Се Люй прошёл через заснеженную местность у задней горы и дошёл до книжного чертога, где в последнее время часто бывал

Мужун Чжи.

Как же он надеялся, что, стоит толкнуть дверь, и тот окажется внутри. Одинокая лампада, как боб, освещала разбросанные повсюду книги.

Говорят, все классические труды и древние книги в Дворце Внимающих Снегу были собраны десятки лет назад тем самым наставником Мужун Чжи, знаменитым на весь мир призрачным лекарем Вэй Саньи.

За многие годы на тех старых книгах скопились толстые слои пыли, их практически никто не открывал.

А сейчас Мужун Чжи уже давно не занимался медитацией и практикой в Дворце Внимающих Снегу. В то время, что раньше уделял тренировкам, в последнее время его часто можно было найти погружённым в чтение в этом книжном чертоге.

Он всё ещё... всё ещё думал о том, как найти способ спасти его.

Та бутылочка красных пилюль, которую Се Люй ранее получил от него, позже была показана А-Ли, и А-Ли сказал, что это всего лишь конфетки, которые Е Пу обычно делал для забавы, разве это яд?

В тот день А-Чжи, хотя и был так зол, всё же взял такую штуку, чтобы обмануть его...

Се Люй сел на прохладный кирпичный пол книгохранилища, наугад взял древний фолиант и рассеянно листал. Но мысли его витали где-то далеко, будто пролетали через дворцовые ворота к бескрайним снежным горам снаружи, в той белой безбрежной пустоте, сквозь время и пространство увидев тот день, когда он, спустя десять лет разлуки, вернулся, и свою одинокую фигуру, колеблющуюся на холодном ветру.

Он вспомнил, как по пути сюда, преодолевая горы и реки, сидел в покачивающейся, тряской повозке в полудрёме.

Тогда он ещё то и дело с тоской оглядывался на столицу из-под занавески, словно надеясь на какое-то невозможное чудо, и с грустью думал о своих десяти годах великого сна, который в итоге оборвался, оставив лишь пустынное пробуждение.

В то время имя Мужун Чжи, такое далёкое, для Се Люя было всего лишь запылившимся воспоминанием десятилетней давности.

Хотя когда-то они делили ложе, но тот мужчина в белых одеждах в его памяти был одновременно и знакомым, и чужим: иногда, казалось, он ясно помнил каждое его движение, а иногда вовсе не мог вспомнить конкретные черты того лица.

Тогда он был молод, не ведал ни любви, ни ненависти, не был опутан чувствами.

Четыре года близости и тепла так и не проникли в душу, не вошли в сны. Лишь оглядываясь на прожитую жизнь, он внезапно вспомнил, как в те годы был бессердечным и несправедливым, как плохо поступил с тем человеком.

Поэтому он вернулся. Сознывая, что тогда поступил с ним неправильно, желая умереть от его руки.

<http://bllate.org/book/15612/1394042>